

Экран и сцена —
1999 — дек. (№ 51) —

Юрий Соломин 1967.
Выпуск 1957 г.

Лет в четырнадцать я увидел документальный фильм «Малый театр и его мастера», снятый к двадцатипятилетию Малого театра. Я ходил на него снова и снова, смотрел его дикое количество раз. Там играли любимые и известные по кино актеры: Ильинский, Царев, Жаров, Бабочкин, Рыжова, Турчанинова, Яблочкина, Владиславский, Шатрова, Дикий. От этого созвездия кружилась голова. Потрясенный, я мечтал только об этом театре. Уже в десятом классе я точно знал, что хочу учиться только в Щепкинском училище.

Наконец, вместе с отцом я отправился в Москву.

На вступительных экзаменах я читал Маяковского, Горького. Приемная комиссия улыбалась. Мне стало не по себе. Теперь-то я понимаю, что их забавляло несоответствие моего репертуара и моей внешности. Я и сейчас-то не отличаюсь мощным телосложением, а тогда меня попросту не было. Когда же я стал читать монолог Нила из «Мещан», раздался гомерический хохот. Вера Николаевна Пашенная просто падала под стол. Я обиделся и замолчал... Меня приняли.

Общежитие давали со второго курса. Вначале мы снимали комнату втроем. Потом вдвоем. Однако меня как «самого дальнего» все-таки поселили в общежитии. В комнате мы жили всемером. Общежитие находилось у Рижского вокзала — бывшие бараки для военнопленных. На окнах решетки. Там жили студенты из разных театральных вузов. Тут можно было встретить и Татьяну Доронино, и Олега Табако-

Говорят выпускники:

ва, и Эмиля Лотяну — многих нынешних знаменитостей.

Жили дружно. Основное время проводили в Училище, часов по двенадцать, и в театре. Бегали на все спектакли гастролеров. К тому же приходилось много читать. Мы подсчитали, что если прочитать все положенное по программе, то в день надо одолеть страниц триста.

На стипендию не пошikuешь. Родители, конечно, помогали, чем могли. На хлеб хватало. Очень помогал и отец Виктора Борцова. Он работал начальником «Заготзерна» в Оренбурге, затем в Тамбове. Он нас здорово поддерживал. То присылал пару мешков картошки, то несколько ящиков яиц, то копченых гусей. И наступал праздник живота для всего общежития. Мы даже купили большую сковородку и делали яичницу сразу из двадцати-тридцати яиц.

У нас на курсе училось двадцать человек. В театр взяло Романа Филиппова, Лешу Эйбоженко, Витю Борцова и меня. Роман и Леша уже умерли. Сейчас с нашего курса в театре остались только Витя Борцов и я. С Училищем и Малым театром у меня связана вся жизнь. Со своей женой Ольгой я познакомился тоже в Училище, еще на первом курсе.

Ольга с третьего курса уже работала в ТЮЗе. Она играла такие роли, как Луиза в «Коварстве и любви», Негина в «Талантах и поклонниках». Но через некоторое время ей пришлось уйти из театра. Это произошло, когда у нас родилась дочь. А когда дочка подросла, Ольга стала работать только как педагог. Много лет мы вместе преподаем в Щепкинском училище. Теперь она уже профессор. У нее много учеников. Вот так всю жизнь, уже

сорок пять лет, мы и ходим вместе.

В жизни каждого человека бывают события, которые остаются незабываемыми, становятся в ней вехами. Таким событием для меня стало знакомство с Верой Николаевной Пашенной. Всю жизнь она оставалась приверженкой школы Малого театра. В.Н. говорила, что в заслугу Художественному театру надо поставить чрезвычайно глубокую и тонкую проработку внутренней стороны роли. Что же касается внешнего ее выражения, то Художественный театр обычно приглушает роль, словно боится большого и сложного эмоционального удара. А Малый театр дает такой сильный эмоциональный удар.

В.Н. отдавалась педагогической деятельности со всей своей энергией и темпераментом. С каким упорством она добивалась от нас приемлемого качества работы — будь то этюд, сценка, отрывок из пьесы или просто небольшая реплика! Мы осознавали необходимость упорнейшей работы. Помочь разобраться в роли, показать кусок, проиграть его, заразить своей огромной эмоциональностью и страстностью, вдохновить на исполнение роли она могла как никто другой.

В.Н. всячески старалась помочь нам. На экзамены по мастерству приносила целый ворох своей одежды. Только после окончания учебы мы узнали, что на курс положено было набирать двадцать пять человек, но, кроме этого, разрешалось брать еще двоих дополнительно, потому что на первых курсах кто-то обычно отсеивался. Стипендию же платили только двадцати пяти. Произошла какая-то ошибка, и один студент как раз из основных двадцати пяти остался без стипендии. Как только В.Н. узнала об этом, она сказала: «Ничего. Он будет получать стипендию» и платила ему сама. Никто из нас этого не знал. Этот студент, впоследствии известный артист А.Эйбоженко, расписывался в кассе так же, как и мы, и получал свою стипендию. Обо всем этом мы узнали случайно и значительно позже, после ее смерти.

Можно с пафосом сказать: «Я ее боготворю», но скажу проще — этому человеку я обязан всем в жизни.